

А. Ф. ШУТОВ (Москва)

АБСОЛЮТНЫЕ ОБОРОТЫ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном удмуртском языке, как и в других агглютинативных, богато представлены деепричастные, причастные и глагольно-именные конструкции, многие из которых в индоевропейских языках выполняют функции придаточных предложений. Среди подобных конструкций выделяются абсолютные обороты с подлежащим, отличным от подлежащего основной части предложения. К абсолютным оборотам в удмуртском языке мы относим в первую очередь т. н. субъектные деепричастные конструкции (см. 1—4), а также субъектные конструкции, стержневыми словами которых являются глагольно-именные формы на *-(э)мъя, -(э)мен, -(э)мысь* (5—7).

1. *Коньы бертыку, анаез кӧлэ ни вал* (Чернов 30) 'Когда Коньы пришел домой, его мать уже спала'.

2. *Ньыль самой кужмо оосыз тодмо луытозь, нюръяськон кык часлэсь кема кыстӥськиз* (Молот 1977, № 9 : 27) 'Пока не стали известны четыре самых сильных, борьба продолжалась более двух часов'.

3. *Кыыз капчи вылэм — толэзь ортчыса, красноармеец Матвеев госпитальысь потӥз* (Красильников 19) 'Руки его оказались легкими — через месяц (букв. месяц пройдя) красноармеец Матвеев выписался из госпиталя'.

4. *Шудӥсьёс шутэтскыны кошкызы одӥг кадь лыдын, нокин вормытэк* (Архипов 71) 'Игроки ушли отдыхать с равным счетом, сыграв вничью (букв. никто не победив)'.

5. *Тӥни со юрттэмен, мон дышетӥсь луи* (Петров 7) 'И вот благодаря его помощи я стал учителем'.

6. *Дубов туннэ, Звонов лыктымтэысь, ачиз лыктыны кариськиз* (Коновалов 60) 'Дубов сегодня, так как Звонов не пришел, сам решил прийти'.

7. *Фронт матэ вуэмъя, фашистӥёс пумен юнгес керӥзегъяськыны кутскизы* (Молот 1966, № 5 : 16) 'По мере того как приближался фронт, фашисты стали сильнее беспокоиться'.

Подлежащее абсолютных оборотов может быть выражено существительным, местоимением и другими субстантивированными словами в именительном падеже. На субъект оборота могут указывать и притяжательные суффиксы деепричастий, глагольно-именных форм (8, 9). Абсолютный оборот иногда эквивалентен односоставному предложению, не имеющему подлежащего (10).

8. *Жӧк сьӧрын пукуку зы, Романов солы ивортӧз ас малпанӧсьсыз сярсыс* (Архипов 137) 'Когда они сидели за столом, Романов рассказал ему о своих планах'.

9. *Гуртлы матэ вуэмъяз, Катялэн сюлмыз тӧло нунал кадь бугырскиз* (Гаврилов 109) 'По мере того как Катя приближалась к деревне, сердце у нее волновалось, как ветренный день'.

10. *Тӧче тӧласькыку, кин тонэ кылоз?* (Пермяк 84) 'При таком ветре кто тебя услышит?'.

Аналогичные конструкции функционируют и в других финно-угорских, в самодийских языках, широко употребляются в тюркских, монгольских языках. Подобные обороты коми, марийского и финского языков нашли освещение в плане синхронного анализа их структуры и синтаксических функций в работах В. С. Сухановой (1951), Н. И. Исанбаева (1961), З. М. Дубровиной (1972; 1975; 1977). Следует отметить также исследование Э. Кангасмаа-Минн (Kangasmaa-Minn 1970). В тюркологической литературе с давних пор идет дискуссия об указанных синтаксических категориях. В оценке рассматриваемых конструкций удмуртского языка также существуют разногласия.

Исследуя указанные конструкции, необходимо решить три взаимосвязанные задачи: 1) Что представляли рассматриваемые конструкции исторически? 2) Чем они являются в настоящее время? 3) Каковы в конструкции отношения между именем действителя и деепричастием (глагольно-именной формой)?

1) Исследователи считают, что рассматриваемые конструкции исторически восходят либо к определительным словосочетаниям имен (Первошиков 1959 : 198), либо к самостоятельным именным предложениям (Stipa 1960 : 203—204; Калинина 1972 : 92—93; 1975 : 85—86), либо к первоначальным предложениям со сказуемым-деепричастием (Алатырев 1967 : 67—68). По мнению Н. М. Терещенко (1973 : 311), субъектные деепричастные конструкции самодийских языков восходят к определительным словосочетаниям имен. Нам представляется, что эволюционная связь между вышеназванными исторически исходными формами и настоящими конструкциями сомнительна. Интересно замечание Ф. И. Видемана (Wiedemann 1884 : 230) об особенностях синтаксиса пермских языков: из способности зырянского, удмуртского языков сокращать с помощью глагольных имен и деепричастий два предложения в одно следует, что они гораздо реже используют союзы, чем другие языки. Д. Р. Фокош-Фукс (Fokos-Fuchs 1958 : 307) предполагает, что, по-видимому, указанные синтаксические образования представляют собой контаминацию двух конструкций: *me voji* 'я пришел' × *meat votedž* > *me votedž* 'до моего прихода'.

2) Различны ответы и на второй вопрос. Указанные конструкции квалифицируются как сокращенные формы придаточных предложений (Wiedemann 1851 : 277, 279; 1884 : 245, 247; Глезденев 1921 : 53). Х. Винклер (Winkler 1909 : 107) называет их побочными определениями (Nebenbestimmungen) типа т. н. индогерманских абсолютных генитивов, аблативов, аккузативов. Г. Штипа (Stipa 1960 : 219—222, 225—227, 229—230, 266, 274) рассматривает анализируемые конструкции в качестве абсолютных оборотов, выступающих в роли обстоятельственных придаточных предложений. Разделяя точку зрения некоторых тюркологов, В. И. Алатырев (1969 : 154) считает их синтетическими придаточными предложениями, в которых деепричастия (глагольно-именные формы) выполняют одновременно две функции: члена предложения (сказуемого) и союза. Большинство исследователей

относит указанные образования в качестве субъектных конструкций к составу простого предложения (Перевощиков 1959 : 190; Исанбаев 1961 : 76; Калинина 1972 : 93). В «Грамматике современного удмуртского языка» (1974 : 151) они даны как субъектные деепричастные конструкции или самостоятельные деепричастные обороты, а в школьных грамматиках — как деепричастные, отглагольные обороты.

3) Связь между именем действителя и деепричастием (глагольно-именной формой) в конструкции характеризуется либо как определятельная (Wiedemann 1884 : 165, 167, 174, 177, 178; Сидоров 1953 : 52), либо как обладающая признаками предложения (Алатырев 1967 : 59—60). Анализируя рассматриваемые синтаксические категории, некоторые исследователи оценивают их альтернативно: то ли они являются абсолютными конструкциями с именительным самостоятельным, то ли представляют собой притяжательные словосочетания с основной формой имени (Stipa 1960 : 286; Fokos-Fuchs 1958: 306). В большинстве случаев связь указанных членов в конструкции четко не рассматривается или вообще не исследуется. Правильная, на наш взгляд, но не полная характеристика отношений основных членов в конструкции дана П. Н. Перевощиковым. По его мнению, независимый член деепричастной конструкции, выраженный именительным падежом существительного или местоимения, относится к деепричастию как слово, именуемое деятеля, к слову, выражающему его действие (1959 : 191; см. также Исанбаев 1961 : 96).

Изучая историю анализируемых конструкций, представляется возможным «базироваться на знании определенных закономерностей» (Серебренников 1974 : 7). Таким законом для языка агглютинативного типа является твердый закон порядка слов «определение + определяемое». На общее для урало-алтайских языков правило, когда поясняющее слово ставится перед поясняемым, указывал уже Ф. И. Видеман (Wiedemann 1838 : 7; см. также Fokos-Fuchs 1962 : 112; Серебренников 1967 : 101—106; Основы 1974 : 384—385). Действие этого закона в синтаксическом строе удмуртского языка наблюдается в значительной мере и в настоящее время, однако, судя по текстовым материалам дореволюционных и послереволюционных источников, порядок слов «определение + определяемое» соблюдался гораздо строже (см. Баушев 1929 : 6, 9; Глезденев 1921 : 44—46; Булычев 1947 : 33; Гаврилова 1970 : 107—117). Для иллюстрации вышесказанного приведем отрывок из текста, в котором сохраняется указанное расположение членов предложения (перевод дословный, с сохранением порядка слов).

Чуказезяз чулна Иван зарпотыку ик бусыын вал ини. Куро жыжы вылз былбыр-былбыр усем лысву вылтй ортчем пытьез сайкыт адзиське.

Со эскерон вылысь комбайнз борды кузь пуч юнматйз. Пучлэн пумыз, юос борды ожит гинэ йотытэк, мотовилолы ог куинь метр азьпалан мынэ. Отчы скал гырлы думемын. Ваньзэ ладъямез бере, со комбайнзэ вырзтытса эскериз. Зэм ик, пормоно, комбайн мынэмъя, гырлы кылтыр-колтыр каре. Соку Прохор Иванлэн съод кысьем ымнырыз мыняк потйз, бур кивз, шумпотэмзэ возьматыса, йырберзэ кормаз (Молот 1977, № 9 : 43) 'Завтра утром Иван на рассвете же в поле был уже. На жнивье выпавшей на росе оставленные его следы ясно видны. Он для эксперимента к своему комбайну длинную жердь прикрепил. Жерди конец, колосья немножко не задевая, от мотовилы на три метра впереди движется. Туда колокольчик привязан. После того как все наладил, он свой комбайн с места тронул. И действительно, получается, по мере того как комбайн движется, колокольчик побрякивает. Тогда Ивана

Прохоровича смугловатое лицо улыбнулось, его правая рука, его радость показывая, затылок почесала'.

В вопросе о происхождении рассматриваемых конструкций мы разделяем мнение Н. З. Гаджиевой (1973 : 212—230).

Для праудмуртского языка, как и для древних тюркских языков, характерны простые предложения, в которых сказуемое занимало конечное положение. Было два центра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый. Твердый закон порядка «определение + определяемое» распространялся на тот и другой центры. Рассмотрим два взаимосвязанных процесса в развитии удмуртского предложения.

I. В реальной жизни один субъект мог выполнять ряд действий, из которых одно было главным, а другие второстепенными. Действие закона агглютинативного строя в праудмуртском языке, как и в древних тюркских языках, приводило к тому, что все второстепенные глаголы превращались в побочные определители основного глагола-сказуемого — деепричастия, глагольные имена в падежах или с послелогом. Поэтому, например, предложения 1) *Я гулял по саду и встретил товарища* и 2) *Я долго болел и не смог сходить к товарищу* в удмуртском языке могли быть переданы в следующем виде: 1) *Садэти калгыкум, эшме пумитай* 'Гуляя по саду, я встретил товарища' и 2) *Кема висеменым, эше доры ветлыны ой быгаты* 'Из-за долгой болезни я не смог сходить к товарищу'. Так, внутренним путем, в недрах простого предложения развивались деепричастные (*садэти калгыкум*), глагольно-именные (*кема висеменым*) конструкции, имеющие общий с основной частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего. В удмуртском языке часто встречаются предложения, в которых одно действие обозначено финитным глаголом, а другие — неличными формами глагола (11—12).

11. *1928 арын, рабфаклэн кыкетй курсаз потэме бере, академической отпуск басьтыса, июне Ижевске берти* (Молот 1976, № 3 : 31) 'В 1928 году, после перехода на второй курс рабфака, взяв академический отпуск, в июне приехал в Ижевск'.

12. *Отделенияз пырыса, мае ке лушкам мурт сямен, адямиос адземлэсь азьло ординаторское пыриз но, чылкак зигарыз бырыса, диван выль лэзиськиз* (Красильников 74) 'Зайдя в свое отделение, как что-то укравший человек, пока люди не увидели, вошел в ординаторскую и, сильно обессилев, опустился на диван'.

Возникновение бессубъектных деепричастных и глагольно-именных конструкций — таков итог первого процесса.

II. Два предложения обозначают два различных события: *Сын пришел домой. Его мать уже спала*. Для выражения подчинительного отношения одного к другому в русском языке использован подчинительный союз: *Когда сын пришел домой, его мать уже спала*. В удмуртском языке, как и в тюркских, союзные придаточные предложения индоевропейского типа не могли возникнуть. Здесь действовала другая тенденция, обусловленная тоже законом агглютинативного строя — втиснуть подчиняющееся предложение в рамки подчиняющего и создать из двух предложений одно. Втягиваясь в рамки простого предложения, глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращается (трансформируется) в деепричастие, глагольное имя в падеже или с послелогом — т. е. идет процесс, аналогичный первому. Связь подлежащего со сказуемым бывшего предложения заменяется в субъектной конструкции связью подлежащего с деепричастием. Так возникли субъектные деепричастные

и глагольно-именные конструкции, например, *Пиез бертыку, анаез кӧлә ни вал* букв. 'Сын придя домой, его мать уже спала'.

Появление субъектных деепричастных, глагольно-именных и причастных конструкций в удмуртском языке — определенный этап в развитии от паратаксиса к гипотаксису. До возникновения субъектных конструкций в языке могли употребляться главным образом простые предложения, подчинительные отношения выражались путем примыкания друг к другу простых бессоюзных предложений, реликты чего встречаются и по сей день в устной речи, произведениях фольклора. Следы субъектных конструкций можно видеть в примыкающих друг к другу простых предложениях, где на их взаимозависимость указывают коррелятивные слова типа *со* 'тот', *та* 'этот', *соку* 'в то время, тогда', *соин* 'поэтому' и другие, например, *Куазь кезыт кариськиз. Соин шунытгес дӱсяським* 'Стало холодно. Поэтому оделись потеплее'. Функция *соин* полностью может быть компенсирована за счет трансформированного сказуемого первого предложения: *Куазь кезыт кариськемен, шунытгес дӱсяським* 'Так как стало холодно, оделись потеплее'.

Формирование абсолютных оборотов в удмуртском языке шло так же, как и в тюркских: трансформированные предикаты все более обособлялись, теряя морфологическую связь со сказуемым другого предложения, и вся конструкция превращалась в абсолютные обороты, построенные по принципу простого примыкания (Гаджиева 1973 : 52). Хотя морфологическая связь между деепричастием (глагольно-именной формой) конструкции и сказуемым основной части предложения ослабевает и в целом конструкция приобретает значительную самостоятельность, логическая соотнесенность событий, изображенных в абсолютном обороте и главной части предложения, не утрачивается. Абсолютный оборот превращается фактически в логическое средство связи.

Закон порядка «определение + определяемое» устойчиво сохраняется внутри оборота: деепричастие (глагольно-именная форма) всегда находится в конце конструкции, все поясняющие слова предшествуют поясняемому. Абсолютная конструкция чаще находится в начале и середине предложения, реже — в конце. Она имеет обстоятельственные функции (времени, причины и т. д.).

В отличие от бессубъектных деепричастных (глагольно-именных) конструкций рассматриваемые обороты обладают наибольшей автономностью и сильной глагольной стержневой слов — деепричастий, глагольно-именных форм. Проявлению их глагольности способствует то, что кроме зависимых второстепенных членов, они имеют в обороте свой грамматически выраженный субъект — подлежащее.

Сочетание подлежащего и деепричастия (глагольно-именной формы) в абсолютной конструкции образует дополнительное ядро предикации. Следует отметить, что деепричастия и глагольно-именные формы анализируемых оборотов никогда не употребляются в качестве самостоятельных сказуемых и, следовательно, не могут составлять предикативную основу предложения. Абсолютные обороты мы относим к составу простого предложения. Их нельзя считать придаточными предложениями. Сказуемое придаточного предложения выражается либо личной формой глагола, либо именем со связкой (в том числе и нулевой) — т. е. такими словами, которые могут выступать в качестве самостоятельного сказуемого в простом предложении. Связь придаточных предложений с главным в основном осуществляют подчинительные союзы и союзные слова. Абсолютные обороты указанных свойств не имеют, но соответствуют функционально придаточным предложениям, являются их семантическими аналогами. Рассматриваемые обороты наряду с другими субъектными конструкциями можно назвать заменителями, экви-

валентами придаточных предложений, подобно тому как оценивает аналогичные конструкции в финском языке О. Икола (Ikola 1971; 1974), называя их эквивалентами предложений.

Абсолютные обороты и субъектные причастные, отглагольно-именные конструкции, придаточные предложения с постпозитивными союзами и придаточные русского типа образуют в современном удмуртском языке богатую систему средств для выражения гипотаксиса.

Сокращения

Архипов — Т. Архипов, Адымилэн чеберез, Ижевск 1963; **Гаврилов** — И. Гаврилов, Вордйськем пальтёсын, Ижевск 1959; **Коновалов** — М. Коновалов, Вурьысо бам, Ижевск 1973; **Красильников** — Г. Красильников, Арлэн кутконэз, Ижевск 1965; **Молот** — журнал «Молот», Ижевск; **Пермяк** — Е. Пермяк, Пöямты, Ижевск 1961; **Петров** — М. Петров, Вуж Мултаң, Ижевск 1954; **Чернов** — П. Чернов, Кион кар, Ижевск 1970.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. 1967, «Субъектная деепричастная конструкция» и ее происхождение. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IV, Ижевск, 53—68.
- 1969, Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению, Йошкар-Ола, 151—157.
- Баушев К. М. 1929, Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка, Москва—Ленинград.
- Бульчев М. Н. 1947, Порядок слов в удмуртском простом предложении, Ижевск.
- Гаврилова Т. Г. 1970, Порядок слов в удмуртском простом повествовательном предложении. — ЗУдНИИ, вып. 21, 107—118.
- Гаджиева Н. З. 1973, Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, Москва.
- Глезденев П. П. 1921, Краткая грамматика языка народа удмурт, Вятка.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения, 1974, Ижевск.
- Дубровина З. М. 1972, Инфинитивы в финском языке, Ленинград.
- 1975, Закон соотношенности и его значение для образования инфинитивных и причастных конструкций в финском языке. — *Fenno-ugristica* 1, Tartu, 90—102.
- 1977, Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении. (К вопросу об эквивалентах предложений). — Вопросы финно-угорской филологии, вып. 3, Ленинград, 34—74.
- Исанбаев Н. И. 1961, Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола.
- Калинина Л. И. 1972, Субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции в удмуртском языке. — Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание, Саранск, 92—93.
- 1975, Субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции в удмуртском языке. — Вопросы финно-угроведения, вып. VI, Саранск, 81—86.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Первошиков П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Серебренников Б. А. 1967, О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми. — СФУ III, 101—106.
- 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- Сидоров А. С. 1953, Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар.
- Суханова В. С. 1951, Деепричастные наречия в коми языке. Канд. дисс., Петрозаводск.
- Терещенко Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1958, Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. — *ALHung.* VIII, 273—342.
- 1962, Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachverwandtschaft, Wiesbaden (Ural-Altäische Bibliothek XI).
- Ikola, O. 1971, Lauseenvastikkeista ja upotetuista lauseista. — *Sananjalka* 13, Turku, 17—51.

- 1974, Lauseenvastikeoppia. Nykysuomen lauseenvastikkeiden ja niihin verrattavien rakenteiden selvittelyä, Helsinki (Tietolipas 76).
- Kangasmaa-Minn, E. 1970, Über die Nominalisierung des Satzes im Tscheremissischen. — Symposion über Syntax der uralischen Sprachen, Göttingen, 118—130.
- Stipa, G. 1960, Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu 121).
- Wiedemann, F. J. 1838, Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens, Reval.
- 1851, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval.
- 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.
- Winkler, H. 1909, Der Uralaltaische Sprachstamm, Berlin.

A. F. ŠUTOV (Moskau)

ABSOLUTKONSTRUKTIONEN IN DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Zu den Absolutkonstruktionen udmurtischer Sprache zählt der Verfasser sog. verbaladverbialische Subjektkonstruktionen und auch Subjektkonstruktionen, die auf Grund verbalnominalischer Wörter mit den Suffixen *(-э)мен*, *(-э)мысь*, *(-э)мъя* aufgebaut sind. Die Sprachforscher sind in der Betrachtung der Natur und der Entstehung der oben genannten Fügungen nicht einig. Bei der Untersuchung der Frage von der Abstammung der Absolutkonstruktionen geht der Verfasser von der Erwägung aus, daß im Urdmurtischen sowie in den alten Turksprachen hauptsächlich ein einfacher Satz mit fester Wortfolge: Rectum + Regens fungierte. Dieses Gesetz wirkte sich auch auf die Subjekt- und Prädikatgruppe aus. In der Evolution des udmurtischen Satzes sind zwei zusammenhängende Prozesse zu bemerken: Entstehung von subjektlosen verbaladverbialischen (verbalnominalischen) Konstruktionen und Subjektkonstruktionen. Ferner wird gezeigt, wie sich die Absolutkonstruktionen von den anderen adverbialischen Konstruktionen trennten.